

Андрей Марданов
Новополоцк (Белорусь)

Ксенофобия и культурная открытость как тематическая особенность произведений Дж. Барнса

В произведениях английских постмодернистов (Дж. Барнс, М. Брэдбери, Д. Лодж, Дж. Фаулз, М. Эмис) встречается определение английского национального характера и множество стереотипов об англичанах, американцах и французах. Индивидуальной особенностью произведений Джулиана Барнса (Julian Barnes, 1946) является разоблачение ложности существующих национальных стереотипов, ведущих к ксенофобии. Сама тематика критики национальных стереотипов в творчестве Барнса связана с художественной идеей его произведений – отрицанием существования стабильной, объективной, обобщенной истины. Барнс провозглашает приоритет субъективной версии¹ над общепринятой «объективной», невозможность преодоления субъективности восприятия, что в принципе упраздняет легитимность стереотипа. Это созвучно с теорией Х. Ортеги-и-Гассета о том, что вещи – это значимости: «...возьмите любую вещь, рассмотрите ее в разных оценочных системах, и вместо одной вещи вы получите несколько совершенно разных» [1]. Точка зрения меняется от ситуации, ракурса и индивидуально-личностных особенностей наблюдающего.

Творческая задача Барнса по решению проблем истинности заключается в том, чтобы «...отражать окружающий мир во всей его правоте и противоречивости» [2]. В его произведениях часто говорится о столкновении индивидуальных мифов об одном и том же явлении действительности. Моносемии, решительным утверждениям он предпочитает предположения, версии, вариативность, поскольку, все знания и утверждения условны и неокончательны: «...любая вер-

¹ Красноречивым является эпиграф романа *Как всё было* (*Talking It Over*, 1991) – «врёт, как очевидец» [4], который передаёт мысль Барнса об относительности и мифичности любой версии, любого факта.

сия неизбежно тенденциозна, а значит, недостоверна» [3, с. 39], поэтому одна версия не может быть достаточной для объяснения объективной реальности. Только их взаимосвязь может наиболее полно её отобразить.

Особенно категорично Барнс настроен против негативных стереотипов массового сознания (социальных мифов), которые, будучи относительно устойчивыми и обобщёнными образами, представляющими собой проецирование субъективно воспринятых качеств нескольких представителей на нацию в целом, составляемую уникальными субъектами, всегда являются ложными², но претендуют на достоверность и способствуют ксенофобии. Автор стремится разоблачить абсурдность стереотипа, старается продемонстрировать, что существующие отличия не означают какую-либо неполноценность.

Барнс подвергает сомнению сущность английской и французской национальной идентичности, представленной в стереотипах, как будто воспроизводящих обобщенный характер представителей этих национальностей. Писатель в различных контекстах рассматривает культурные традиции с точки зрения их восприятия поверхностным массовым сознанием, чтобы указать на их ложность:

Британцам нравится считать себя жёсткими прагматиками, а французов – легкомысленными мечтателями. Ничего более далёкого от истины не может быть... [6, с. 408].

Защищая уникальность каждого субъекта, он говорит, что «...не бывает двух одинаковых ударов кием, как не бывает и двух одинаковых человеческих душ» [7, с. 371].

Автор пропагандирует необходимость контакта с другими нациями для благоприятного, всестороннего развития культуры страны, поскольку изоляция от других культур означает культурную стагнацию, создание косных стереотипов, усложняющих отношения между странами. Так же здоровое формирование индивида невозможно без контакта с «другим»: «...нам нужно... ощущение дружести»³ [8, с. 239], как писал М. Брэдбери. Современное положение Англии сложилось в результате её взаимодействия с другими странами, благодаря диалогу между народами, оппозиции «я» – «другой». Именно в контакте с другой культурой возможно осознание своей аутентичности и индивидуальности. Барнс размышляет об источнике стереотипов:

² Как пишет В. Акудович, «...Нация – гэта нішто іншае, як міф пра Нацыю», [4, с. 121].

³ «...We need a ...a sense of otherness...», [8, с. 239].

Представления о чужих странах редко бывают беспристрастными и точными, в них обязательно перевешивает что-нибудь одно – либо презрение, либо сентиментальность [9, с. 216].

Одна из причин их возникновения – элементарное незнание и непонимание чужой страны или идеализация своей, которые вредны. Непонимание необходимо искоренять, поскольку от него идёт зло и насилие в мире.

Творчество Барнса является результатом слияния культур Франции и Англии, поскольку он заимствовал литературную технику французских авторов. Барнс жил и преподавал во Франции, поэтому там неоднократно происходят действия в его рассказах и романах. Многие его персонажи обожают французскую культуру и совершают самопознание через неё. Например, в *Метроленде* (*Metroland*, 1980) Франция воплощает любовь, свободу и искусство, освобождение от удушающей атмосферы Англии. Персонажи восторгаются французскими поэтами, оснащают свою речь французскими словами, мечтают о путешествии в Париж, который противопоставляется Лондону – приятное ничего неделание против рутины и скуки. Барнс считает, что ксенофобия исчезнет, и:

когда-нибудь настанет тот далёкий, возможно, химерический день, когда британцы наконец преодолеют свои запутанные и саморазрушительные чувства к французам, ...и проорут в зёв Тоннеля: «Лягушатники! Лягушатники! Лягушатники! К нам! К нам! К нам!» [6, с. 423].

К Франции особое отношение не только у Барнса (её он называл второй родиной [10]), но и у англичан в целом. Она является их близкой (континентальной) соседкой и историческим врагом. В качестве соседа у Британии – только Франция, а у Франции их много, поэтому

...англичане одержимы французами, тогда как французы всего лишь заинтригованы англичанами. Когда мы любим их, они воспринимают это как должное; когда мы ненавидим их, они озадачены и возмущены, но справедливо рассматривают это как нашу проблему, а не свою [6, с. 414].

В течение исторической связи между Францией и Англией возникло множество негативных стереотипов.

Сборник *По ту сторону Ла-Манша* (*Cross Channel*, 1996), в котором автор оперирует данными французской географии, страноведения и истории, состоит из рассказов о взаимозависимости, сходствах

и различиях англичан и французов, которые воспринимают друг друга сквозь призму стереотипов. В этих рассказах автор делает обзор двадцати веков взаимодействия между двумя странами, обсуждая при этом эпизоды конфликтов и сотрудничества: например, рассказ *Железнодорожный узел* (*Junction*, 1996) о том, как англичане строили железные дороги, а группа французов за ними критично наблюдала. Отношение к ним варьировалось в зависимости от их успехов – от резко отрицательного до положительного. Соединение (*junction*) осуществилось не только в прямом смысле слова – между городами, но и между двумя нациями. Здесь автор подчёркивает пользу сотрудничества, вместо культурной изоляции. В другом эпизоде француз и англичанин чинили лопату, говоря на смеси языков, прекрасно понимая друг друга, наблюдающие предположили, что скоро все будут разговаривать, и не будет войн, поскольку все будут друг друга понимать. Но затем следует мысль, что войны и, следовательно, стереотипы, будут существовать, пока есть оппозиция «я» – «другой».

В романах Барнса жизнь англичан освещается сразу с нескольких сторон – снаружи и изнутри. Автор представляет вниманию читателей множество противоречивых версий о различных чертах национального характера, что символизирует невозможность существования единственного правильного мнения. Читатель должен выбрать для себя свой вариант. В *Попугае Флобера* (*Flaubert's Parrot*, 1984) автор пишет, как французы воспринимают британцев, шутят на тему туманов и каши. Он приводит возможное предположение о себе:

человек свободной профессии, из средних классов, ...в крапчатом твидовом костюме, с усиками может быть, сознательно намекающими на его военное прошлое, с разумной женой, немного увлекающийся по уик-эндам лодочным спортом, скорее любитель джина, чем виски, и так далее? [11].

Далее он развенчивает этот стереотип:

я – врач..., усиков, как вы видите, у меня нет, хотя есть военное прошлое, неизбежное для всех мужчин моего возраста. Живу в графстве Эссекс, скорее, личность слабохарактерная, что благоразумно для лондонских графств, предпочитаю виски, а не джин, твидовые костюмы не ношу и лодочным спортом не увлекаюсь. [...] Что касается моей жены, то она не была разумной женщиной [11].

В другом произведении он приводит стереотип француза из среднего класса:

...старик в свитере из шетландской шерсти, страстный поклонник апельсинового джема, виски, яичницы с ветчиной, магазинов «Маркс и Спенсер», le fair-play, le phlegme и le self-control; а также чая с густыми девонширскими сливками, песочного печенья, тумана, шляп-котелков, церковных хоров, неотличимых друг от друга домиков, двухэтажных автобусов, девушек из «Шалой лошадки», чёрных такси и деревень в Котсуолде [9, с. 217].

и также его опровергает.

Об Англии Барнс говорит, что, даже в соответствии с британским опросом, она славится на весь мир своей холодностью, снобизмом, эмоциональной отсталостью и ксенофобией [12, с. 146]. Писатель приводит множество стереотипов, в частности – о стремлении англичан соблюдать социальные условности. Их «...дух спутан и посажен на привязь» [13, с. 18]; «комфортабельный остров стаскивает тебя вниз, в мягкость и мелочную пошлость, в Иисуса и брак» [13, с. 18]. О честном слове англичанина Барнс пишет, что оно – «...закон, кроме разве тех случаев, когда его нарушают» [14, с. 66]. В английской политике честолюбие грехом не считается, «...чего не скажешь об откровенности...» [15, с. 83]. В соответствии со стереотипом, существующим во Франции, англичане – «самый грязный, двуличный и развратный из всех народов», «скоты и пьяницы», обуреваемые «пуританскими комплексами» [6, с. 417]. Они «одеваются как голытьба, а уж нижнее бельё у них – это вообще слёзы» [6, с. 417]. Англичане хранят свои деньги под мылом, что отражает их скупость и негигиеничность [6, с. 417 – 418]. Они неразговорчивы до степени немоты (этот стереотип эксплуатирует Д. Лодж в романе *Академический обмен* [16, с. 70]), склонны к телесным наказаниям. Все англичане – содомиты и пуритане, что вызывает вопрос, каким образом они размножаются. Ответ в том, что под действием алкоголя снимается пуританское ограничение, и они случайно оплодотворяют того, кого надо [6, с. 418]. Их любовь к животным объясняется тем, что они находятся с ними на одной ступени развития. Барнс критикует традиционную английскую чопорность и эксцентричность [17, с. 113].

С другой стороны, Барнс защищает Англию, говоря, что она была родиной Шекспира, символом ясной мысли и политической свободы. Туда уехал Вольтер, Э. Золя, К. Маркс. Признавая, что англичане сдержаны, Барнс отмечает, что из-за этого духовности у них меньше не становится. Автор перечисляет достоинства, ассоциирующиеся с английским характером: «...мужество, оптимизм, верность, участливость, великодушие, любовь к правде и преданность Богу» [7, с. 519].

Что касается негативных стереотипов о французах, распространённых среди англичан, во Франции царит жестокость, люди и их жилища там грязнее, чем в Англии. Спорт не так развит, как в Англии.

...Француз скорее совершит гнусное убийство, нежели проглотит не ту частицу Божьего творения не в тот день; это весьма докучно, и да благословит Господь Англию, страну здравого смысла [18, с. 74].

За один вечер от парижан можно услышать «...больше непристойностей, чем за три года армейской жизни во время последней войны» [14, с. 51]. Стереотип о сексуальной раскрепощённости французов Барнс демонстрирует тем, что Джиллиан (*Любовь и т.д. / Love, etc*, 2000) предлагают брак втроём только из-за того, что она – наполовину француженка. Писатель говорит, что «...каждая нация имеет то абстрактное существительное, которого заслуживает» [19, с. 374 – 375]; к Франции относится шовинизм. О ксенофобии Барнс много рассуждает в «Письмах из Лондона, где он приводит ксенофобские шутки: «как называется француз с IQ 150? Деревня»; «как называется француз, у которого двадцать подружек? Пастух» [6, с. 415].

Кроме темы Франции, в произведениях Барнса звучат отголоски боязни России, возникшей под влиянием атмосферы холодной войны и соответствующей пропаганды в его раннем детстве. В школе писатель изучал русский язык, как язык потенциального врага. В качестве страшного гипотетического происшествия приводится высадка русских в Англии (*До того, как она встретила меня / Before She Met Me*, 1982), что обнаруживает его индивидуальный страх – ребёнка холодной войны. Если с французами он старается примириться, потому что они относительно «свои», то Россия для него (и некоторых др. английских постмодернистов⁴) кажется страшным, чужим и диким краем. В *Истории мира в 10 ½ главах (A History of the World in 10½ Chapters*, 1989), например, говорится, что турки, хоть они не христиане, лучше языческого Советского Союза, что указывает на непонимание между странами.

⁴ Для произведений М. Брэдбери, например, типичен мотив пребывания в восточноевропейской стране и противостояния ей западного либерала, а также сопоставление культурного состояния и экономического положения Западной и Восточной Европы. Идея превосходства ценностей западноевропейской культуры у Брэдбери звучит в случаях неслестного отзыва о восточноевропейских национальностях, которые он называл дикими, халатными, непунктуальными, неаккуратными.

Несмотря на критику национальных стереотипов, чрезмерное стирание границ между культурами автором не приветствуется. Мультикультурализм, глобальная квазикультура ведёт к уничтожению или сжатию пространства, концу цивилизации человека, которому необходимо национальное пространство для чувства идентичности [12, с. 249 – 250]. Автор критикует глобализацию: «Париж стал ближе, чем Глазго, а Брюссель – чем Эдинбург» [9, с. 195]; он иронизирует, описывая в *Как всё было*, как женщина в сари и кроссовках опускает в почтовый ящик пачку талонов на скидки. Озабоченный проблемой стирания национальной идентичности и децентрации европоцентризма, Барнс описывает города, в которых смешаны все расы, национальности и языки. Ослабление культурных отличий между странами стало возможным благодаря развитию науки и техники (возникновение быстрых транспортных средств и СМИ), популяризирующих различные места на планете: «...не пакідаючы родных сялібаў, кожны з нас незаўважна апынуўся раскіданым па ўсім свеце» [20, с. 111]. Культура в постмодернизме «...утрачивает локально-национальные свойства, приобретает черты массового товара, становится всё более гомогенной, формульной, «одноразовой»...» [21, с. 7]. В итоге размывается национальная идентичность, но разобщённость между народами остаётся.

Таким образом, среди тематических особенностей произведений Барнса можно отметить критику ложности национальных стереотипов, существующих в массовом сознании и укрепляющих ксенофобию; провозглашение тесного контакта с другими странами и культурами для благоприятного и всестороннего развития нации при обязательном сохранении своей национальной самобытности.

Список литературы

1. Ортега-и-Гассет Х., *Адам в раю*, [в:] Х. Ортега-и-Гассет, *Полное собрание сочинений, Эстетика. Философия культуры*, пер. с исп. В. Симонова, Москва 1991, с. 473-493.
2. Барнс Д., *Биография*, [электронный ресурс], <http://www.barns.net.ru/lib/sa/author/100002.html>, [25.12.2010].
3. Зверев А., *Барнс, Джулиан*, [в:] А. Зверев, *Энциклопедический словарь английской литературы XX века*, отв. ред. А.П. Саруханян, Москва 2005, с. 38-40.

4. Барнс Д., *Как всё было*, [электронный ресурс], http://lib.ru/INPROZ/BARNS/bylo.txt_with-big-pictures.html, [15.11.2009].
5. Акудовіч В., *Дыялогі з Богам : суплёт інтэлігібельных рэфлексіяў*, Мінск 2006.
6. Барнс Дж., *Лягушатники! Лягушатники! Лягушатники!*, [в:] Дж. Барнс, *Письма из Лондона*, пер. с англ. Л. Данилкина, Москва 2008, с. 404-423.
7. Барнс Дж., *Артур и Джордж*, пер. с англ. И. Гуровой, Москва 2008.
8. Bradbury M., *Doctor Criminale*, London 2000.
9. Барнс Дж., *Туннель*, [в:] Дж. Барнс, *По ту сторону Ла-Манша*, пер. с англ. Дж. Барнс, Москва 2005, с. 194-221.
10. Swanson C., *Interview with Julian Barnes. Old Fartery and literary Dish*, [online], <http://www1.salon.com/weekly/interview960513.html>, [06.03.2008].
11. *Попугай Флобера*, [электронный ресурс], http://www.gramotey.com/books/751barns_dzhulian_porugai_flobera.htm, [27.02.2011].
12. Barnes J., *England, England*, London 1999.
13. Барнс Дж., *Помехи*, [в:] Дж. Барнс, *По ту сторону Ла-Манша*, Москва 2005, с. 7-26.
14. Барнс Дж., *Эксперимент*, [в:] Дж. Барнс, *По ту сторону Ла-Манша*, пер. с англ. Дж. Барнс, Москва 2005, с. 48-69.
15. Барнс Дж., *Миссис Тэтчер разводит руками*, [в:] Дж. Барнс, *Письма из Лондона*, пер. с англ. Л. Данилкина, Москва 2008, с. 67-111.
16. Lodge D., *Small World : an academic romance*, London 1984.
17. Барнс Дж., *Год путаницы*, [в:] Дж. Барнс, *Письма из Лондона*, пер. с англ. Л. Данилкина, Москва 2008, с. 112-128.
18. Барнс Дж., *Дыня*, [в:] Дж. Барнс, *По ту сторону Ла-Манша*, Москва 2005, с. 70-93.
19. Барнс Дж., *ЗЗО : Чемпионат мира по шахматам*, [в:] Дж. Барнс, *Письма из Лондона*, пер. с англ. Л. Данилкина, Москва 2008, с. 336-381.
20. Акудовіч В., *Нідзе і ніхто*, [в:] В. Акудовіч, *Разбурыць Парыж*, Мінск 2004, с. 111-119.
21. Зверев А., Акرويد П., [в:] *Энциклопедический словарь английской литературы XX века*, Москва 2005, с. 18-20.

SUMMARY**Xenophobia and cultural openness
as a thematic peculiarity of J. Barnes' works**

The article deals with the thematic peculiarity of J. Barnes' works which expose the falsity of the existing national stereotypes that lay claim to credibility and promote xenophobia. This theme is related to the artistic idea of the author's works which is the denial of the stable, objective, generalized Truth. One of the origins of bigoted stereotypes that complicate relationships between countries is a cultural isolation from other nations. Thus, for the sake of a favorable and comprehensive development of any country's culture Barnes proclaims the need for contact with other nations, providing, however, that every country withstands globalization and preserves its national identity.